

МОРИС МЕТЕРЛИНК

ИЗБИЕНИЕ
МЛАДЕНЦЕВ

Морис Метерлинк

Избиение младенцев

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664975

Синяя Птица: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-18172-8

Аннотация

«В тот день, в пятницу, 26 декабря, в час ужина, прибежал в Назарет мальчик, подпасок, дико крича...»

Морис Метерлинк

Избиение младенцев

В тот день, в пятницу, 26 декабря, в час ужина, прибежал в Назарет мальчик, подпасок, дико крича.

Крестьяне, пившие пиво в трактире Синего Льва, открыли окна и, взглянув в деревенский плодовый сад, увидели подбегавшего по снегу мальчика. Они узнали в нем сына Корнелица и закричали ему в окно: «Что там? Ступай спать!»

Но он отвечал с ужасом, что явились испанцы, сожгли ферму, повесили его мать в орешнике и привязали девять его сестренок к стволу большого дерева.

Крестьяне тотчас вышли из трактира, окружили мальчика и стали его расспрашивать. Он сказал еще, что солдаты были верхом и закованы в железо, что они захватили скот его дяди Петрюса Крайера и затем, с коровами и с овцами, ушли в лес.

Все бросились к трактиру Золотого Солнца, где Корнелиц тоже пил пиво со своим шурином, а трактирщик побежал по деревне, крича, что идут испанцы.

Тогда в Назарете началось смятение. Женщины открыли окна, а крестьяне вышли из домов с фонарями; впрочем, они погасили фонари в плодовом саду, так как там было светло, как днем, от снега и полной луны.

Все столпились вокруг Корнелица и Крайера на площади

перед гостиницей. Некоторые принесли с собой вилы и грабли и переговаривались в страхе под деревьями.

Но так как никто не знал, что делать, то побежали за кюре, которому принадлежала ферма Корнелица. Кюре вышел из дому вместе с ризничим, несшим ключи от церкви. Пошли на кладбище, и кюре с колокольни крикнул им, что ни в поле, ни в лесу не видать ничего, но что в той стороне, где его ферма, есть багровые облака, хотя надо всей окрестностью небо голубое и звездное.

Посоветовавшись на кладбище, крестьяне порешили спрятаться в лесу, через который должны будут пройти испанцы, напасть на них, если их окажется не слишком много, и отбить у них скот Петрюса Крайера и добычу, взятую ими на ферме.

Мужчины вооружились заступами и вилами, а женщины остались у церкви с кюре.

Отыскивая место, где было бы удобно устроить засаду, крестьяне пришли к мельнице, на границе леса, откуда видно было, как пылала, при ярком свете звезд, ферма. Они расположились там, перед болотом, подернутым льдом, под громадным дубом.

Пастух, по прозвищу Рыжий Карла, пошел на холм, чтобы предупредить мельника, остановившего свою мельницу при виде зарева. Мельник впустил Рыжего Карлу, и оба поместились у окна, осматривая даль.

Прямо перед ними над пожаром блистала луна, и скоро

они заметили большую толпу, шедшую по снегу. Рассмотрев ее хорошенько, Рыжий вернулся к тем, кто был в лесу; поне­многу им стало видно, что это – четыре всадника и с ними стадо, которое выщипывает траву из-под снега.

Так как всадники, одетые в красные мантии с синими пе­ревязками, всматривались в берега замерзшего болота и под ветви деревьев, где было светло от снега, ризничий посоветовал крестьянам спрятаться за буксовой изгородью, что они и сделали.

Скот и испанцы пошли по льду, и бараны, добравшись до букса, уже обглаживали зелень, когда Корнелиц вдруг выско­чил из кустарника, а за ним бросились и другие с вилами. На пруду вышло большое побоище, среди целой кучи овец и среди коров, смотревших на битву и на луну.

Когда четыре испанца и их лошади были убиты, Корнелиц кинулся в поле к пожару, а другие обобрали мертвых. По­том они направились со стадом в деревню. Женщины, вгля­дывавшиеся в лес из-за кладбищенского забора, увидали, что они приближаются между деревьями, и побежали им на­встречу с кюре. Возвращаясь, все плясали большими хоро­водами, посреди детей и собак.

Ликуя под грушевыми деревьями в плодовом саду, где Ры­жий развешивал фонарики в знак храмового праздника, кре­стьяне спрашивали кюре, что теперь делать.

Порешили заложить телегу, чтобы перевезти в деревню тело жены Корнелица и девяти ее дочерей. В телегу сели

сестры убитой и кое-кто еще из ее родственников, а также кюре, который пешком ходил с трудом, так как был стар и очень толст.

Они вернулись в лес и в молчании добрались до сияющего простора равнин, где на льду, под деревьями, валялись голые человеческие тела и поваленные навзничь лошади. Отсюда они направились к ферме, пылавшей посреди поля.

Подойдя к саду и к дому, красному от пламени, крестьяне остановились у забора и смотрели на беду, постигшую их земляка. Жена Корнелица, совершенно голая, висела на ветке огромного орешника, а сам он взбирался по лестнице на дерево, вокруг которого на земле лежали девять его дочерей, ожидая мать.

Он был уже среди густых ветвей дерева, когда вдруг заметил на яркости снега толпу, глядевшую на него. Корнелиц, плача, сделал знак помочь ему, и крестьяне вошли в сад. Ризничий, Рыжий Карла, трактирщики Синего Льва и Золотого Солнца, кюре с фонарем и еще несколько человек вскарабкались на обындевевший орешник, при свете луны, и сняли повешенную. Деревенские женщины у подножия дерева приняли ее на руки, как тело Господа нашего Иисуса Христа при снятии со креста.

На другой день ее похоронили, и на той неделе в Назарете не случилось больше ничего необыкновенного. Но в следующее воскресенье, после обедни, через деревню пробежали голодные волки и до полудня шел снег, потом неожидан-

но на небе заблестало солнце. Крестьяне, как обыкновенно, вернулись домой и стали одеваться к вечерне.

В то время на площади никого не было, так как стояла жестокая стужа. Только собаки да куры бродили под деревьями, и овцы щипали маленький уцелевший треугольник травы, да служанка кюре выметала снег из своего палисадника.

Тогда отряд вооруженных людей перешел по каменному мосту на конце деревни и остановился в плодовом саду. Крестьяне вышли было из домов, но тотчас в ужасе вернулись назад, узнав испанцев, и расположились у окон, наблюдая, что будет.

Всего было около тридцати всадников, вооруженных с ног до головы, начальствовал старик с седой бородою. На крупах лошадей сидели ландскнехты, в желтом и красном, которые, спрыгнув на землю, побежали по снегу, чтобы размять ноги. Многие из закованных в латы солдат тоже спешили и мочились у деревьев, к которым привязали лошадей.

Потом часть приехавших направились к трактиру Золотого Солнца и постучались в дверь. Им отперли со страхом; они вошли, чтобы погреться у огня, и приказали подать себе пива.

Скоро они вышли из трактира, неся горшки, кувшины и пшеничный хлеб для своих сотоварищей, оставшихся на улице около человека с седой бородою, который ждал среди копий.

Так как улица оставалась пустынной, начальник отряда

послал несколько всадников охранять деревню со стороны поля, за дома, а ландскнехтам приказал привести к себе детей от двух лет и ниже, чтобы избивать их, как написано в Евангелии от Матфея.

Прежде всего отправились они в маленький трактирчик Зеленой Капусты и в соседний с ним домишко цирюльника, на середине улицы.

Один из ландскнехтов растворил хлев, и, вырвавшись оттуда, свиньи разбежались по всей деревне. Трактирщик и цирюльник вышли на улицу и смиренно спросили у солдат, что им угодно: но те не понимали по-фламандски и вошли в дом, ища детей.

У трактирщика был ребенок: мальчик, в рубашечке, сидевший за столом, за которым обедали. Ландскнехт взял его на руки и унес в сад, а отец и мать шли за ним, крича.

Ландскнехты растворили еще хлевы у бочара, у кузнеца, у башмачника, и телята, коровы, ослы, свиньи, козы и бараны прогуливались по площади. Когда же солдаты выбили окно у плотника, несколько крестьян, из числа стариков и местных богатеев, собрались на улице и подступили к испанцам. Сняв почтительно шапки и шляпы перед начальником в бархатной мантии, они спросили, что он хочет делать. Но и начальник не понимал их языка, и кто-то из них пошел за кюре.

Кюре облачался к вечерне и надевал в ризнице свою золотую ризу. Крестьянин закричал ему: «Испанцы у нас в саду!» В смятении кюре бросился к двери, а за ним мальчики

хора, неся восковые свечи и кадило. Выйдя, он увидел домашних животных, бродящих по снегу и по обрывкам травы, всадников посреди деревни, солдат у дверей домов, лошадей, привязанных к деревьям вдоль улицы, и толпу мужчин и женщин, умоляющих того человека, в руках которого был ребенок в рубашечке.

Кюре устремился к этому человеку, и крестьяне беспокойно обернулись к своему священнику, явившемуся как Господь Бог, в золоте, среди стволов деревьев, и окружили его перед человеком с седой бородою.

Кюре говорил по-фламандски и по-латыни, но начальник пожимал плечами, показывая, что он не понимает.

Прихожане спрашивали вполголоса у кюре: «Что он говорит? Что будет делать?» Другие, видя, что кюре в саду, робко выходили из домов, торопливо прибежали женщины и шептались, собираясь кучками, между тем как солдаты, осаждавшие трактир, поспешили назад, заметив сборище, какое образовывалось на площади.

Тогда тот, кто держал за ногу сынишку трактирщика Зеленой Капусты, саблей своей отсек ребенку голову.

Видно было, как упала сначала голова, а потом и остальное тело, заливая траву кровью. Мать подняла тело и унесла, забыв голову. Она побежала было домой, но наткнулась на дерево и упала прямо животом в снег. Она осталась лежать без чувств, а отец отбивался от двух солдат.

Парни стали бросать в испанцев камнями и деревянными

чурками, но солдаты опустили все сразу копья, женщины побежали прочь, а кюре и его прихожане завывали от страха среди баранов, гусей и собак.

Но потом, так как ландскнехты снова пошли на улицу, они смолкли, чтобы посмотреть, что будет.

Солдаты вошли к сестре ризничего, в лавку, но мирно вышли оттуда, не сделав никакого зла семерым женщинам, которые у порога молились, стоя на коленях.

Далее они пошли в трактир Горбуна, что у Святого Николая. Там тоже впустили их тотчас же, чтобы задобрить, но скоро, среди всеобщего смятения, они опять показались на улице; в руках у них было три ребенка, и их окружало все семейство Горбуна, он сам, жена, старшие дочери, умолявшие солдат со сложенными руками.

Вернувшись к старику, солдаты опустили детей на землю у корней вяза, и они сели там на снег в своих воскресных платьях. Но один из троих, одетый в желтое, вскочил и, заплетаясь ногами, побежал к овцам. Солдат погнался за ним с обнаженной шпагой, и ребенок умер, упав ничком, тогда как двух других убивали около вяза.

Все крестьяне и дочери Горбуна ударились бежать, испуская громкие крики, и опять попрятались по домам. Оставшись один, кюре с рыданиями умолял испанцев, переползая от одной лошади к другой, сложив руки крестом; а сам Горбун и его жена, сидя на снегу, жалостно оплакивали своих детей, простертых у них на коленях.

Обходя деревню, ландскнехты заметили большой синий дом одного фермера. Они хотели выбить двери, но двери были дубовые с железной обивкой. Тогда они взяли бочки, лежавшие перед входом в большой замерзшей луже, устроили из них лестницу и проникли в дом через окно.

На ферме был семейный праздник, и сошлись все родственники со своими семьями на вафли, блины и ветчину. При звуке разбитых стекол они столпились за столом, уставленным блюдами и кувшинами. Солдаты вошли в кухню и после ожесточенной схватки, в которой многие были ранены, завладели всеми маленькими мальчиками и девочками, захватили также слугу, укусившего за палец ландскнехта, и вышли на улицу, заперев за собой двери, чтобы никто из дому не следовал за ними.

Те крестьяне, у кого не было детей, тихонько повыходили из домов и вдалеке шли за солдатами. Придя к старику со своими жертвами, ландскнехты бросили детей наземь и спокойно прикончили их своими копьями и шпагами, тогда как по всему фасаду синей фермы мужчины и женщины, высунувшись из окон и с чердака, кричали проклятия и кидались бессмысленно туда и сюда, видя своих детей в красных, розовых и белых одеждах неподвижными на траве между стволами.

Вслед за тем солдаты повесили слугу с фермы – на вывеске в виде полумесяца, с другой стороны улицы, и в деревне на некоторое время наступила тишина.

Потом избиение распространилось на всю деревню. Матери, выскочив из домов, пытались через сады и огороды убежать в поле, но всадники догоняли их и пригоняли обратно на улицу. Крестьяне, держа шапки в руках, ползали на коленях за теми, кто уносил их детей, среди весело и беспорядочно лающих собак. Кюре, воздевая руки к небу, бегал вдоль домов и под деревьями, умоляя безнадежно, словно мученик. Солдаты, дрожа от холода, дышали на свои пальцы, бродя по улице или, засунув руки в карманы штанов и взяв шпагу под мышки, поджидали у окон, пока их сотоварищи возьмут дом приступом.

Приметив пугливое отчаянье крестьян, солдаты маленькими кучками тотчас входили в фермы, и на всех улицах происходили одни и те же сцены.

Огородница, жившая в старом домике из красноватого кирпича около церкви, гналась со стулом в руках за двумя ландскнехтами, увозившими ее детей в тачке. При виде как их убивали, она потеряла сознание, и ее посадили на стул, прислонив спиной к дереву на дороге.

Другие солдаты влезли на липу перед фермой, выкрашенной в лиловый цвет, разобрали черепицу на кровле и так пробрались в дом. Когда они вернулись на крышу, отец и мать, простирая руки, тоже показались из отверстия, и солдатам, прежде чем спуститься на землю, пришлось столкнуть их обратно, ударяя шпагами по голове.

Из погреба большого дома через отдушину слышался

плач целой семьи, и отец семейства свирепо угрожал оттуда вилами. Лысый старик одиноко рыдал, сидя на навозной куче. Женщина в желтом упала без чувств на площади, и ее муж, поддерживая ее за подмышки, кричал в тени грушевого дерева. Другая женщина, в красном, целовала свою дочку, у которой были отрублены кисти рук, и поочередно приподымала то ту, то другую ее руку, все ожидая, что она начнет двигаться. Еще одной удалось убежать в поле, и солдаты гнались за ней между скирдами сена на горизонте снежных далей.

На трактир Четырех Сыновей Эмона велась целая осада. Крестьяне забаррикадировались там, а солдаты вертелись кругом и никак не могли ворваться в дом. Они уже пытались вскарабкаться по деревьям к вывеске, когда заметили за садовой дверью лестницу. Приставив ее к стене, они стали взбираться один за другим. Трактирщик и все его семейство бросали в них из окон столы, стулья, тарелки и люльки. Лестница опрокинулась, и солдаты упали.

В деревянном домишке на краю деревни другая кучка солдат нашла крестьянку, мывшую своих детей в чане перед огнем. Она была стара и почти глуха и не слыхала, как солдаты вошли. Двое из них взяли чан и унесли его, а ошеломленная женщина бросилась за ними, с платьем малышей в руках, так как хотела их одеть. Но на пороге, увидав везде в деревне пятна крови, обнаженные шпаги в плодовом саду, опрокинутые колыбели на улице, женщин на коленях и дру-

гих, ломающих руки над маленькими трупами, – она начала дико кричать и бить солдат, которые должны были поставить чан на землю, чтобы обороняться. Туда же прибежал кюре и, сложив руки на своей ризе, умолял испанцев за голых детей, хныкавших в воде. Подошли еще солдаты, которые его отстранили и привязали обезумевшую старуху к дереву.

Мясник, спрятав свою девочку, стоял, прислонившись к дому, и равнодушно смотрел на все происходившее. Ландскнехт и латник вошли к нему в дом и разыскали ребенка в медном котле, мясник, в отчаянье, схватил нож и устремился за ними, но проходившая мимо кучка солдат обезоружила его и повесила за руки на стенных крюках, между ободранными тушами, где он до вечера и дергался ногами и головой, произнося ругательства.

В стороне кладбища много народу толпилось у длинного зеленого дома. На его пороге горячими слезами плакал мужчина; он был человек видный и очень толстый, и солдаты, сидя на солнышке, у стены, слушали его с сочувствием, лаская собаку. Солдат, уводивший за руку ребенка, делал жест, как бы говоря: «Как быть? Это не моя вина!»

Крестьянин, за которым гнались, прыгнул с женой и детьми в лодку, причаленную у каменного моста, и уплыл на середину пруда. Солдаты не решались гнаться за ним по льду и злобно бродили по тропинке. Они влезали на прибрежные ивы, стараясь оттуда достать убежавших копьями, но это им не удавалось, и они долго грозили всей семье, дрожавшей от

ужаса посредине воды.

Плодовый сад между тем постоянно был полон народа, так как большую часть детей убивали именно там, перед человеком с седой бородой, заведовавшим избиением. Деревенские мальчики и девочки, уже ходившие одни по улицам, собирались там и, с любопытством глядя, как убивали других, ели свои обеденные тартинки с маслом или толпились вокруг приходского дурачка, игравшего, сидя на земле, на флейте.

Вдруг в деревне произошло большое движение. Крестьяне бросились к замку, стоящему на возвышенности из желтой земли, на самом конце улицы. Они заметили, что сеньор стоит, облокотясь на зубец башни, и смотрит на убийства. Мужчины, женщины, старики, простирая руки, умоляли, словно небесного царя, этого человека в бархатной мантии и в золотом токе. Но он подымал руки и пожимал плечами, выражая свое бессилие, а так как крестьяне умоляли его все более и более отчаянно, обнажив головы, становясь на колени в снег, испуская громкие крики, — он медленно вернулся во внутренность башни, и у просивших не осталось больше надежды.

Когда все младенцы были перебиты, утомленные солдаты вытерли свои шпаги о траву и поужинали под деревьями. Вслед за тем ландскнехты сели опять на крупы лошадей, и испанцы удалились из Назарета по каменному мосту, тем же путем, как приехали.

Потом солнце зашло за красным лесом, изменявшим окраску деревни.

Устав бегать и умолять, кюре сидел на снегу перед церковью, а рядом стояла его служанка. Перед ними улица и плодовый сад были наполнены крестьянами в праздничных одеждах, бродивших по площади и вдоль домов. Члены семей, держа мертвых детей на коленях или на руках, у дверей домов с удивлением рассказывали о своем несчастье. Другие еще оплакивали убитых там, где они лежали, около бочки, под тачкой, у лужи, или молча уносили их. Некоторые уже мыли скамьи, стулья, столы, окровавленные рубашки и подымали раскиданные по улице колыбели. Впрочем, почти все матери плакали под деревьями над трупами, простертыми на земле, которые они признавали по их шерстяным платицам. У кого не было детей, прогуливались по площади, останавливаясь перед сокрушающимися кучками. Те из мужчин, которые не плакали, гонялись за собаками, ловили свой разбежавшийся скот или исправляли разбитые окна и раскрытые крыши. И мало-помалу деревня становилась неподвижной под сиянием всходившей на небо луны.